

Владимир Липатов

Ветер переменных направлений

*Негрустная морская
история
времен перестройки*

Владимир Липатов. Ветер переменных направлений.
Негрустная морская история времен перестройки / 2018, 146 с.

Макет, верстка, обложка: Эмма Дарвис

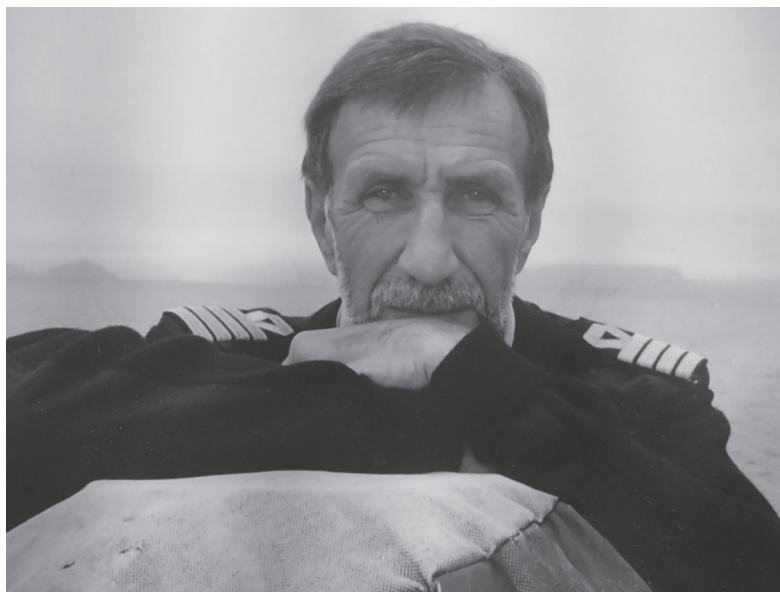
ISBN 978-9949-88-507-7

У каждого были свои восьмидесятые... Эта повесть – ироничный взгляд автора на кусочек собственного прошлого. В то время в Большой стране дул ветер переменных направлений, и никто не мог предположить, что все закончится ураганом. Книга о море и не только, по замыслу автора, предназначена для всех категорий читателей.

© Владимир Липатов
solas4@yandex.com

СОДЕРЖАНИЕ

Слово автора	5
Предисловие	7
Перед выходом. Друзья встречаются вновь	9
Ночные бдения и дневные страсти	24
Иваныч	39
На промысле. Непогода	48
Остров. Вечер на рейде и утро у причала	59
Моя глава	71
Возвращение блудных	81
Будни. Окончание рейса	92
Вентспилс	116
Последний аккорд	132
Послесловие	143

Владимир Липатов родился в 1950 году в городе Новгород (Великий). В 1967 году окончил среднюю школу и почти всю последующую жизнь связал с морем. Вехи пути: 1967–1968 – учеба в Пярнуской мореходной школе, 1968–1972 – учеба в Таллиннском мореходном училище ММФ. После окончания училища работал на штурманских должностях в Эстонском, Литовском морских пароходствах, на плавбазах Рижской базы Реффлота, рыболовецких колхозах Прибалтики. Сложный период 1992–1997 – поиски себя. В 1998 году вернулся в профессию и по 2017 год работал по контрактам, вначале – старшим офицером, а потом – капитаном в судоходных компаниях Панамы, Германии, Финляндии, Норвегии, Нидерландов. В 2017 году пришло время писать. Капитан дальнего плавания. Живет в Таллинне. Жизнь удалась?

СЛОВО АВТОРА

Листая свои старые, совсем не литературные записки, я вдруг наткнулся на пометку «Рыбколхоз 84–87 гг.», и вспомнилось...

Капитанские шевроны в ту пору мне уже не светили даже издали. За десять лет после мореходки я стремительно скатился из торгового флота в большой рыбный флот и, наконец, занял «уютную нишу» в рыболовцем колхозе. Нашел себя, ибо ниже некуда...

Эта повесть – то ли фарс, то ли драма нашей жизни накануне «большого взрыва» девяностых. Вы, читатель, сами определитесь по прочтении. В нынешнем мире фальшивых улыбок и незнакомых соседей мне захотелось с кем-то поделиться, немного посмеяться. Вам, быть может, всплакнется. Мы разные.

Описываемые ниже события частично имели место как факт и происходили в течение трех лет на разных колхозных пароходах и в разных экипажах. Я в своем повествовании сжал их по времени до месяца, собрал своих героев в одну команду, и получилось то, что получилось. Я оберегаю вас: в повести присутствуют сцены умеренного употребления алкоголя и легкого насилия, но не такие, чтоб содрогнуться от омерзения. Жить в то время мне было бы трудно, если бы не было смешно.

Чтобы у вас не сложилось превратного мнения о людях моей профессии, еще раз подчеркиваю – эти события происходили в течение трех лет. Иной «читатель» за неделю накуролесит больше, чем все мои друзья за три года. Мы были продуктом своего времени и ничем не отличались от береговых, если только тягой к странствиям.

Естественно, быть первым читателем я доверил лучшему другу – жене. Она, мой оберег и совесть на этой земле, прочитав сие, долго и пристально смотрела на меня, как будто вновь открывала для себя незнакомого человека, затем тихо произнесла:

– Ужасно...

Я растерялся.

– Это приговор? Бездарно или тема ужасна?

– Неужели это было?..

Я уже смутился, начал скоморошничать:

– Фантазии художника... хе-хе... искрометный юмор...

– Но, заглянув в ее глаза, в тысячный раз упал на дно колодца и молвил: – Концентрированно, конечно, но... пятьдесят на пятьдесят.

Ее глаза стали печальны.

– Знаешь, раньше мне казалось, что я умею читать твои мысли, понимать с полувзгляда. Столько лет прошло – и вот итог: я совсем тебя не знаю. Не знаю твоей жизни там, без меня. Ты уходил на полгода, на год, и мы были вместе только порознь. Возвращался – мы радовались и, как все сначала, долго привыкали друг к другу. Ты что-то, конечно, рассказывал, но я все пропускала мимо ушей, а сейчас читаю и не могу представить...

Я поцеловал ее.

– Это все мои выдумки...

Вот таким был первый, самый важный для меня отзыв.

И еще. В морской профессии нельзя без ненормативной лексики – это обиход. Но я, щадя ваш нежный слух, сократил ее до ласкового минимума там, где по-другому невозможно выразить мысль или ситуацию.

И последнее. Судите автора, но не судите строго моих героев, их лучшие качества остались за строкой, и это еще предстоит описать.

Владимир Липатов
Апрель 2018 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Позвольте маленький экскурс в специфику рыбной отрасли Прибалтики середины восьмидесятых. Новейшая история. Дале-е-ко от Риги... Уютный городок, почти поселок, раскинулся на обоих берегах реки, прямо на выходе в море. Местное время бежит неторопливо и размеренно, а жители сыты, спокойны и радушны. Впрочем, как и в любом общезжитии, порой здесь вскипают нешуточные страсти, но об этом ниже.

Основа жизни – рыболовецкий колхоз. Десятки подобных колхозов разбросаны по Балтийскому побережью, их траулеры ловят рыбу в Западной Африке, Баренцевом море и балтийских водах. Никакой зависимости, все в себе: добротный флот, автопарк, береговые холодильники, рыбоперерабатывающий комплекс, включая производство шпрот. Со сбытом продукции тоже никаких проблем – рынок необъятной страны у твоих ног. И текут денежки рекой...

Куда текут? А это уже не ваше дело – колхоз, как и религия, отделен от государства. Но если с культом в стране все более или менее ясно, то рыбколхоз – мутная вода. На рыбколхозах сидит широким мозолистым задом республиканский Рыбакколхозсоюз, цель которого – выбивать деньги у московских лохов на развитие «лица Союза» с бутылкой рижского бальзама или эстонского «Вана Таллина» (в зависимости от республики). Чем оказалось это «лицо» несколько лет спустя – вопрос риторический.

Рэсэфэеровский рыбак-колхозник из Калининграда или Новой Ладogi много мельче – нет у них океанских траулеров, только ржавые балтийские тралбо-

ты. Расценки на рыбу ниже, средств меньше, а Москва только отсасывает, но не больно жалуется: свои потерпят, если доживут, коммунизм-то будет для всех одинаков.

Социум: трехэтажные «не» многоквартирные дома (выше тяжело подниматься), цветы в подъездах, частный сектор – рыдаю от зависти! Ну, полный... рассадник социализма и счастливый конец долгой дороги в дюнах! «Да это же коммунизм!» – воскликнете вы. И я отвечаю: «Да! Почти».

Но кому-то надо и в море ходить. Нет, местных на колхозном флоте много, но колхозу удобно держать чужих: у своих шире глаза, длиннее руки, уши и языки. Вот тут-то и появляемся мы, морские спецы со всей Латвии и дальше. Мы – летуны, столь не любимые в стране, но трудимся на совесть. Приезжих работников здесь по-своему любят, но, по единому мнению, нас лучше подвозить из-за пределов оазиса прямо к пароходу и так же после рейса вывозить. Транзитом, чтобы не появилось мысли осесть. Такие идеи у рабсилы, конечно, возникают, и тогда она задает вопросы, которые остаются без ответов. А так, прописка по отделу кадров: получи зарплату и валяй к себе «на Колыму». У меня – семь сотен километров до дома.

ПЕРЕД ВЫХОДОМ. ДРУЗЬЯ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВНОВЬ

Электричка вылетела на железнодорожный мост, и из окна вагона открылась картина колхозного порта. Я увидел мой пароход, ошвартованный у причала. Рядом на берегу стояли автокран и грузовики со снабжением, а на палубе копошились люди. Погрузка шла полным ходом. Вот и закончился мой короткий отпуск, я взглянул на часы – до выхода в море оставалось пять часов, и, кроме посещения отдела кадров, дел на этой земле больше не было.

«РР четыре ноля» (название) – старый, еще клепа- ный траулер немецкой постройки, переделанный под баночник. Ровесник середины века – мой ровесник. При длине в тридцать семь метров он вмещает все не- обходимое для жизни и работы восемнадцати человек: крохотные палуба, рыбцех, кают-компания, собачьи будки кают... Ходовой мостик в интерьере: огромный штурвал, одноногий радиолокатор «Донец» и машин- ный телеграф со звонами. Толкнешь ручку телеграфа от себя, зазвенело: дрын-дрын-дрын – малый ход вперед! В машине подтверждают: дрын-дрын – ма- лый вперед! Поехали...

Мы прямо в море принимаем рыбу от колхозных траулеров и катаем банки пряного и иного посола, полный груз – сорок тысяч банок – и домой. Работа не пыльная, но до упаду, ведь чем быстрее выполним за- дание, тем быстрее будем в порту и, что маловероятно, станем лично богаче.

Здесь и собрались мои герои – разные по характе- ру, национальности, уровню развития и взглядам на жизнь. Общий портрет нашей команды прост, что ни

кадр, то личность. Одни, и я в их числе, приезжающие, чей пик больших пароходов, личных амбиций и карьеры уже пройден, часто не в силу собственной слабости, а по причине непреодолимых препятствий, созданных Системой. Это дно, днище, и с этим надо жить. Другие, местные или иные – смесь профессионалов и случайных. Сегодня – на пароходе, завтра – на заводе, в поле... Для них это обычная рутина, тщетные поиски длинного рубля. Ну, друзья! Дрынть-дрынть-дрынть – малый вперед!

Я – редкий человек, детские мечты которого обратились в реальность и не случилось горечи неправильно выбранного пути. Меня тянет к себе морское железо, и по возвращении на пароход всегда кажется, что именно сейчас должно произойти что-то хорошее, необычное, но это чувство быстро проходит. И десятилетия проходят, а не сбылось. Три дня дома пролетели одним мигом, не успел и нацеловаться со своими, а уже пора.

Я выскочил из вагона, миновал красного кирпича православную церковь николаевских времен, на закрытых воротах которой подвешен заскорузлый кирзовый сапог – пьяная хохма местных безбожников. Своей красотой наш храм выигрывает у рядом стоящей лютеранской церкви. Два разных стиля – Праздник веры и Чопорный аскетизм. Я – атеист, но новгородец и знаю толк в церквях. Откуда вообще здесь русская церковь? Русские тут не живут. Ладно, это потом.

Солнце заливало все вокруг теплым светом, и я, измученный долгой ночной дорогой, как-то встряхнулся и повеселел. Ну какая может быть усталость!? В правлении колхоза меня ждет пустая формальность – получить направление на судно. В отделе кадров духота, пяток издохших мух рассыпаны по столу начальницы, одна еще шевелит лапками, но обречена. Эта нехилая дама с добрым взглядом вдобавок ко всем своим до-

бродетелям еще и партийный секретарь. Пока не Генеральный, но исправно работает локтями. Она растет над собой и заочно учится в высшей партшколе, которая кует для Советской Прибалтики свои, исключительно качественные партийные кадры. Там, в этой школе, ее подруга, некая Галя (или Даля?) – заведующая. За другим столиком, у окна, уложив зачехленный бюст на грудь «личных дел колхозника», раскорячилась на стуле жирная просто «специалистка по кадрам». Широко разевая рот, она таращит в угол сонные глаза и едва шевелит жабрами. Жарко!

– Здрасси!

Столбенею. Главный специалист, сморкаясь в носовой платок, безутешно плачет. Может, кто из политбюро помер? В этом здании все актеры, и надо вовремя понять, поймать момент и суметь тонко подыграть. Задача... Я – не артист и на всякий случай глупо улыбаюсь, типа «чего изволите-с?» К счастью, она спешит облегчить душу. Ужасная история: пьяный старший механик Иванов отказался платить годовую задолженность по партийным взносам и последним аргументом послал парторга по матушке.

«Как это по-нашему!» – суровая лицом, восхищаясь про себя. Ее слезы рассчитаны на советскую публику, и я правильно реагирую, выражая вслух скорбное сочувствие:

– На святое... Какая низость!

Доложу я вам, здесь все колхозное начальство охвачено коммунистическим угаром и расплодило столько лицемеров, что уже не хватает фальшивых слов. Честно, я даже не в курсе их идеологии. Разум уже мутился, когда я выхватил заветную бумажку из рук начальницы и выскочил на свежий воздух. От правления до проходной – метров сто очень отлогой лестницы с широкими бетонными ступенями. Бегу-бегу на пароход, спешу включиться в работу, увидеть наших.

Ба-а! А вот и наши! По ступеням в сторону портовых ворот катится тело в коричневом задрипанном плаще и сандалиях на босу ногу. Оно левой рукой прижимает к необъятному животу изрезанную осколками пластиковую сумку, а правой пытается рулить. Сумка шелестит битым стеклом и оставляет на бетоне влажные следы. Это наш ветеран, второй штурман Иваныч возвращается с визитов! Он хорошо вращается, но со стороны ног маленько заносит – нелады с рулевым устройством.

– О-о-о-о, Иваныч! Мой старший по возрасту и младший по должности коллега! Как я рад тебя видеть! Что ж ты, бляха, до свинского-то состояния?..

В ответ сурово молчит Иваныч, лишь косит на меня кровавым глазом да щерится редкими зубами сквозь казацкие усы. Его лысая голова звонко стучит по ступеням – бумм! – и при каждом стуке из нее происходит вроде как звук человеческий – пухх-пухх. Не учел старый штурман направление ветра, подводные течения, дрейф. Да и как считаешь, когда наверху, прямо у лестницы – бар «Сардина». Удобно: транзитом выпил на посошок последнюю каплю и, как на такси, под горку на пароход. Гостинцы вот нес. При моей комплекции его невозможно поднять или притормозить, и мы медленно движемся к проходной. Я подруливаю его короткие ножки, чтоб не выкатился с дорожки, и вывариваю:

– Скотина, ты же все свои запасы расколотил, а в море магазинов нет. Чем будешь здоровье править?

Ответом мне: бумм-бумм, пухх-пухх... А с правления-то колхоза все-е-е видать. Да не впервой, порой они и сами этим транспортом пользуются.

Долог, короток ли путь-дорожка, а прибыли, Иваныч аккуратно под самую проходную подкатился. Валдис сторож, тоже изрядно выпивши, удивляется:

– О как срубило богатыря! А утром был как огурец.
– И решительно предлагает: – Транспорта нет, давай

покатим его в четыре ноги, тут всего пару сотен метров. Или на моем велосипеде.

– Валдис! Возвращаясь из дома, я не устаю удивляться биению жизни в ваших краях.

Сторож искренне любит Родину – святые места!.. Он попинал Иваныча ногой:

– Так как его закантовать? Чистый студень. А водку, сволочь, разбил!

С Валдисом можно вести беседы бесконечно, но я не расположен.

– Какой велосипед выдержит десять пудов живого веса? Трактор с ковшом нужен. Давай я посторожу, а ты в гараж сбегай, попроси мужиков.

Валдис поднаторел в решении подобных проблем.

– Ладно, посторожи, я лучше на холодильник сгоняю, там тележки есть.

Он вернулся минут через десять, толкая перед собой телегу для заморозки рыбы. Мы с трудом загнули и погрузили товарища, я впрягся и поволок телегу по причалу. Там уж наши заметили, подсобили: подтащили транспортное средство к борту, споро обмотали «визитера» строп-лентой и прицепили к гаку. Загудела лебедка, Иваныч посредством грузовой стрелы орлом вознесся над бездной и был бережно положен на деревянную палубу.

Вот и дома, пора работать!

– Привет, колхоз! Не ждали?

Вытирая пот, я обращаюсь к слегка веселому коллективу. Они после рюмки перекуривают на палубе. Мне рады, ждали. Янка-рыбмастер тянет за плечо в носовой кубрик:

– Володя, начнем с прописки.

Уж я-то знаю эту процедуру:

– Стоп-стоп, подожди, капитан на судне?

– Да.

Вилнис, наш капитан, внешне похож на цыгана. Он – правильный мужик и всегда принимает разумные решения, но мягок. Пытается быть строгим, но при этом его голос и взгляд настолько неестественны и комичны, что никто не верит. За команду стоит горой, и люди стараются платить ему той же монетой, но проблем от этих «монет» капитану хватает. Если в наших условиях не все идет по сценарию, тогда на ощупь, на решение проблем бросаюсь я – его старший помощник. Мы с капитаном ровесники, и как-то все у нас ладится.

– С тобой веселее, – говорит он смеясь.

Может, лукавит? Мой черный юмор не всем понятен, ведь когда я шучу, я совсем не шучу.

Только сейчас я заметил поодаль, на причале, его красную «семерку».

– Ребята, через пару минут вернусь.

Я быстро прошел в коридор, постучал в хлипкую капитанскую дверь и услышал:

– Яаа! Вар иевадит! (Да! Войдите!)

Вошел. Из-за кроватной шторки высунулось сонное капитанское лицо.

– Вилнис, привет, я прибыл!

Каюта капитана меньше купе пассажирского вагона. Вся обстановка – койка, раковина, встроенный рундук для одежды, игрушечный столик с откидным сиденьем и иллюминатор «рыбий глаз». Три шага жизненного пространства. Сейчас все забито под подволок (потолок) картонными ящиками.

– О-о-о, Володя! Наконец-то, боялся, опоздаешь.

– Чего залег? – Я разглядел на одной из коробок винную наклейку. – Да здесь целый винный склад! Откуда приплыло? Подарок за ударный труд или у корпоративных не покатило?

Кислый Вилнис, выползая из своей норы, горестно вздыхает:

– Экспериментальный рейс. Должны сделать тридцать семь тысяч банок балтийской сельди в винном соусе. Выходим в двадцать один.

Наш стандартный выход из порта никогда не сопровождался пьянством. Ребята по возвращении снимали домашние заботы бутылкой, а дальше без «топлива» костер быстро угасал. Были, конечно, на борту пара «записных», но их терпели и сообща приводили в порядок, а тут как-то все не так. Новое рейс-задание настораживало, я оторопел:

– Нормально так! Хорошо, что не в водочном соусе. Сколько ящиков?

Капитан уже все сосчитал.

– Двадцать пять по двенадцать бутылей – триста, плюс по ящику уже отдал механикам и штурманам и два – матросам. Это еще сорок восемь пузырей. Ну... и один россыпью, под койкой. – Он встретил мой удивленный взгляд и поспешил заверить: – Да все в порядке, я сразу всех предупредил, что больше выдачи не будет, все в дело пойдет! Они согласились.

– А, ну раз согласились, это меняет дело. – На моей памяти подобный рейс уже был, слава богу, я не участвовал. – Впрочем, что мы все о грустном? Давай-ка тоже ударим по «соусу».

Лицо Вилниса отозвалось желанием, он пружинисто спрыгнул с койки и вытащил из-под подушки «ноль семь» на двенадцать градусов. Под столом уже стояли три пустых – случилось до меня. Процесс пошел. К концу совместной четвертой пришли к выводу: мы – слабохарактерные люди, народ выпросит все это вино, и только этикетки на банках с рыбой будут утверждать оригинальность продукции. Внутри будет все по технологии: лаврушка, соль, сахар, бензойная кислота, специи...

Но не будет ни капли вина.

– Ну, ты теперь понял?

Я сделал последний глоток и лизнул пустой стакан. Ударом кулака в доньшко, капитан вынес пробку пятой.

– Вах! Что делать? А лаборатория? Они ведь всегда берут несколько коробок на анализы, и это будет ба-а-альшой шп... конец!

Разливая, я успокаивал, как мог.

– Старик, угомонись! Что такое двадцать грамм вина на полтора кило рыбы? Я пробовал кильку в винном соусе, там вином и не пахнет, наверное, тоже было выпито. Уверяю, клиент съест с костями все, что в рот попадет, а для лаборатории сделаем в полном соответствии с ГОСТом. Ты прямо сейчас спрячь подальше двадцать бутылок, они действительно в дело пойдут, а остальное... Смирись. В худшем случае из партии вычистят. Потом восстановят.

Выпили.

– Теперь спланируем катастрофу. Выдача поштучно – пузырь в нос и с максимально возможными интервалами. Пусть ходят по кругу. Растянем суток на полтора, или как пойдет. По первой части вопросы есть? – Вопросов не было, я продолжил изложение плана: – Ты будешь завскладом, все равно вахту не стоишь. Запасись жратвой суток на двое, запри дверь и выдавай через иллюминатор, вроде как из киоска. Пусть очередь с палубы идет. Сухую корочку вином же и запьешь.

– А в туалет?..

Я пропустил вопрос мимо ушей.

– Я беру на себя самый трудный участок: контроль мостика, безопасность движения судна, дисциплину экипажа и дебаты. До Ирбенского пролива дотянем, а в открытой Балтике нам сам черт не брат. Ну как?

Капитан вяло ткнул вилкой в банку шпрот и неуверенно произнес:

– Народ у нас мирный... Тихий ангел пролетел...

Мы одновременно вздрогнули, посмотрели друг на друга и произнесли:

– А Яша?

Яша, большой снаружи и добрый внутри, со своим обостренным чувством социальной справедливости мог попутать все карты. И тут Вилнис заторопился:

– Володя, уже восемь, я сейчас поеду к врачу на дом, оформлю санитарный отход, шпонку еще надо поставить. Ну, понимаешь...

Я не придал значения этой «шпонке». Мало ли, думаю, может, у одинокой женщины водопровод сломался или мясорубка? Главное, чтоб вернулся.

Закрыв каюту на ключ, мы вышли на палубу. Капитан прыгнул на причал и побежал к своей машине, а я примкнул к веселому сообществу. Оставив «павших» в носовом кубрике, живые давно уже перебрались на свежий воздух под майское вечернее солнце и разбились на группы по интересам. «Физкультурники» упорно соревновались в прыжках с места на дальность, а «философы» тесной группкой расположились на баке, обсуждая радужные перспективы «винного рейса». Примкнув к «спортсменам», я безоговорочно выиграл две рюмки и, несмотря на протесты, снялся с соревнований.

– А давай поборемся!

Они уже приступали к вольной борьбе. Я не на их волне, здесь у меня уже давно возник дефицит одиночества. Так бывает – тесно душе и телу, а спрятаться негде. На ходовом мостике – тишина. Самое обитаемое место в море всегда пустынно на стоянках. Включил чайник, присел, свободно положив руки на штурвал. Господи, как хорошо! Здесь – мое пространство. Я выбираю себе в пару молчаливых матросов, всех разговорчивых давно отвадил и не могу терпеть, когда кто-то праздный приходит сюда на ходовых вахтах. В квадрате окна, как в аквариуме, все еще кривлялись немые

клоуны. Они боролись на руках, пытались креститься пудовой гирей, задушевно пели... Многонациональные, разные, они никогда не дерутся между собой, нет зла. Иной придет с берега с подбитым глазом, так, может, это жена засветила.

Я отстраненно смотрел на это действие и сам себе уже казался сумасшедшим зрителем в пустом темном зале. И лежала на сердце какая-то горечь: это последний рейс нашего «Четыре ноля», а потом старика – на гвозди. Они, пароходы, без людей так быстро умирают – жизнь уходит мгновенно. Это чувствуется даже на большом ремонте – звонкая тишина и нежилой запах. Мне всегда их жаль.

Я и сам собирался прощаться с профессией, так совпало. Не сложилось: тридцать семь лет – и все как-то ушло, исчезло... нет блеска в глазах. Когда-то я думал, что все смогу и вот – без шансов.

К двадцати одному пришел главный капитан колхоза – мелкий, с виду бравый старичок с чеховской бородкой. Он, несмотря на возраст, дозу хорошо держит. Еще с причала спросил тихо, с опаской:

– Третий штурман на борту?

Я удивился. Где Яша, понятия не имел, но в тон ему негромко ответил:

– Карты на переход готовит, серьезно занят.

Старик всегда приходил перед выходом в море, гнал штурманам какую-то пургу по безопасности мореплавания, выпивал свои пол-литра и убирался восвояси. Вторая часть мероприятия была ему более приятна.

В кают-компании я посадил шефа к бутылке «Пшеничной» и жареной рыбе, а сам пошел собирать живых. Третий штурман жил в одной каюте с мотористом Колей, я вошел к ним и замер: Яша, мощным кулаком подперев в кровь разбитое лицо, сидел за столом и молча сверлил меня одним глазом.

– Простите, сэр...

Сделав шаг назад, я осторожно прикрыл дверь и успокоил себя вслух: «По голове даст – и весь инструктаж. Позову-ка Анатолия Иваныча, он, наверное, очнулся». Но Иваныч, лежа на палубе нашей с ним каюты, не подавал признаков жизни. Его голова подпирала дверь изнутри и не отзывалась на голос. Я стукнул ему в лысину пару раз, сунул руку в щель, покрутил ухо. В ответ он что-то злобно мыркнул и громко засопел.

Когда я вернулся в кают-компанию, главный капитан, положив на стол щеголеватый берет со значком «Слава КПСС», пошел уже по третьей.

– Артурыч, люди заняты по делам, а капитан оформляет санитарный отход.

Но старик уже забыл, зачем пришел, ему нужен был слушатель. Он – весь в прошлом: промыслы в северных морях, дрейфтерные сети, тралы, огромные уловы лет тридцать назад. О, какие! Конечно, это были его рекордные уловы. Иваныч, его друг и собутыльник, мне это уже рассказывал, только от своего имени. Я тоже не первый день в море: капитаны-промысловики их времен были рыбаками от бога. Не имея точных координат, брали рыбу чутьем, по перепадам температур, глубин, атмосферному давлению, направлению ветра... Пригоршню забортной воды в рот закинет, пополощет: Здесь ставим трал! И есть улов! А Иваныч мне «поет»: Да у меня в Северном море свои «огороды» были! Щас! Сидят пятьдесят тонн рыбы в «иванычевом огороде» и переживают – быстрее бы Иваныч с тралом приехал! Когда я дома на рыбалке тащу очередного леща, мой маленький сын говорит: «Папа, тебя здесь вся рыба знает».

С этими ветеранами – то же самое. Я прямо засыпаю, а старик сам себе наливает и рассказывает, рассказывает и наливает. Рыбу не жрет. В двадцать два прикончил-таки бутылку и, лихо сдвинув берет на очки, попер на выход. В движении он заваливается

вперед и ни хрена не видит. Сзади, уперев колено в поясницу и взяв за плечи, я пытаюсь его разогнуть, придать туловищу некую вертикаль, но главный капитан не гнется, на то он и главный, и все старается присесть. Уже на руках я вынес его на причал, как-то выпрямил и легким толчком дал направление на проходную.

– Заходите еще!

Капитана все не было. В кают-компании я откинулся на диване и задремал. Не снилось ничего – не успело. На палубе похолодало, и сильно поредевшая публика с гомоном переместилась сначала в коридор, затем ворвалась ко мне в салон. Бутылки, квашеная капуста с луком, здравицы... Гоняют, как бездомную собаку, – я продрался через толпу и вновь спрятался на ходовом мостике. Отсюда были видны кусочек причала и проходная, за которой светились окна жилых домов, где в тепле и уюте отдыхали нормальные люди. Я остановился у локатора, включил, уткнулся лицом в резиновый тубус и замер, глядя на бегущую по экрану зеленоватую развертку.

Быстрее бы вернулся Вилнис! Придумали, бляха, «экспериментальный рейс»! Обычно на выходе выпьют немного, повеселятся – и за работу, а сейчас не знаю... Выйдем в море, добьют свои запасы, выпросят рыбное вино, потом будут дербанить столитровую бочку с квашеной капустой и ковшиком цедить рассол в расстроенный организм. А на промысле, встрепанные и больные, они станут к транспортеру на укладку рыбы. Это будет лечить их две или три недели, порой по двадцать часов в сутки, и время будет на «только поесть».

Надо переключить мысль. Вспомнился прошлый рейс. Перед самым отходом по причалу вдоль борта неспешной трусцой пробежала большая крыса. Она остановилась у кнехта, хитро посмотрела на нас и вдруг рванула по швартовым концам на судно. Боцман маханул шваброй, зажатой в нетвердой руке, и про-

махнулся. Поискали, пошумели и забыли – сдохнет, здесь крысы не живут. Уже на промысле, в рыбцехе, она внезапно вывалилась с верхнего трубопровода на ленту транспортера и понеслась по переборкам, нашим плечам и головам. Первые секунды мы пребывали в шоке, затем стали отмахиваться руками, кричать, кидать банки... Крыса заметалась и вдруг, в затычном прыжке, достигнув дальнего угла рыбцеха, нырнула в оранжевые проолифенные штаны остекленевшего от ужаса Иваныча. Эти рыбацкие портки на ляжках, всегда топорщатся на пузе, как сумка кенгуру. Между ног у Иваныча вспотело, он мгновенно воспрял и, закрутив тройной тулуп, попытался упасть. Некуда! За спиной – открытая дверь, Иваныч шустро так, толстым задом через высокий комингс скок на палубу! Мы высыпали следом. Наш герой, пружиня телом, уже колесом ходил по кругу, выделывая разные штучки, неожиданно приседал и, перемалывая зверя «батонами», двигался утиным шагом. Разинув рты, мы наблюдали в оцепенении, а он, молодецки взвизгнув, взлетал и парил в воздухе, падал плашмя на деревянный настил и опять взлетал... Феерия закончилась вдруг – Иваныч упал на палубу и затих, в штанах, кажись, тоже не шевелилось. Мы стащили с него портки и вытряхнули раскатанную в блин жертву. Я оживил Иваныча нашатырем и занялся осмотром тела. К счастью, укусов не было, только две глубокие кровотокающие борозды тянулись от поясницы через всю задницу. Крыса пыталась удержаться на этих волосатых горах и юркнуть в норку, но не успела или не смогла.

– Задохлась сердешная... Три недели не мывши, – скорбно вздохнул подоспевший к развязке дядя Миша.

Задницу Иваныча мы раскрасили зеленкой, заклеили пластырем и впервые безудержно-нервно расхотались. Анатолий Иваныч два дня был слегка не в себе, все вздрагивал, потом оклемался.

Я снова вышел на палубу, присел на комингс трюма и долго-долго смотрел на малый краешек заходящего солнца и бронзовые блики по темной воде. Вот и последний лучик стрельнул в темноте зеленой искрой и пропал навсегда. Люди еще гомонили где-то, но уже невнятно, а я размышлял о них, окружающих меня в этом малом пространстве. О том, что жизнь как-то не складна и греет только тепло любимых, но так далеко этот огонек. Что я тут делаю? Свой, но по сути совсем чужой. Сознание гасло, и уже не думалось ни о предстоящем рейсе, ни о пропавшем капитане...

Очнулся от холода, уже полночь. Тишина вокруг, только старый Валдис и дядя Миша что-то клюкают и тихо беседуют в темноте у мачты да мечется по палубе худенький, как мальчишка, моторист Коля. Ему срок два. Глядя на него, вспоминается гафтовское: «Он странный. Будешь странным тоже, коль странность у тебя на роже». Чернявый и черноглазый молчун, он странен своей обособленностью, отрешенностью от мира, что совсем не свойственно морякам. Спросят – ответит, пошлют – пойдет.

Впрочем, один штришок к безликому портрету есть. Коля по прозвищу Буратина держит маленькую ссудную кассу рубликов этак на триста. Такое положение дел всех устраивает – в любое время можно позаимствовать разумную сумму под десять процентов. Возврат кредитов – ежемесячно в день зарплаты. Банковские дела Коля ведет в маленькой синей книжице, хронических должников отмечает красным и, надо сказать, их достаточно. Безнадежных Коля резко вычеркивает и закрывает доступ к благам. Сейчас он бы поспал, но боится заходить в свою коммунальную каюту. Там бодрствует Яша с разбитой мордой, и неизвестно, что у него на уме. А в моей каюте недвижно лежит Иваныч, в каюте механиков недвижно лежат Матти и Филимоныч и далее – везде.

Какой-то странный отход – всех постигло, все спят, а мне негде приткнуться. Та-ак, ну а кому же стоять ходовую вахту? Ведь выйдем когда-нибудь. Механики отдыхают, один Коля-моторист живой, ему и стоять отходную вахту в машинном отделении! На мостике? У Яши вахта только утром. С ноля должен заступать Анатолий Иванович, но он временно и, вероятно, до утра недоступен. Два штурмана вне игры, а в остатке один я, и торчать мне в лучшем случае всю ночь. Со мной на руле будет старый добрый Валдис – он жив всегда. Определились.

Вилнис явился к полуночи и, минуя трап, спрыгнул на палубу. Я вздохнул с облегчением:

– Я уж думал, тебя менты замели!

– Какие менты, ты их здесь когда-нибудь видел? Давай, запускаемся – и по коням. С людьми все окей?

Не спрашиваю его о причинах задержки.

– С людьми все окей, заводимся.